

It is Difficult to Remain a Scholar When The Human is Ground Into Mincemeat: Mental Boundaries and Memorial Frontiers

Sergey A. Troitskiy

Estonian Literary Museum. Tartu, Estonia. Email: sergei.troitskii@folklore.ee

Abstract

The article opens a special issue of the Journal of Frontier Studies “Mental Boundaries and Memorial Frontiers”. The text raises topical issues of the nowadays cultural and historical situation, although the author is sure that it is not unique, therefore he gives it the universal name “historical catastrophe”. The subject, forced to exist in the conditions of a historical catastrophe, is in a radicalized situation of choice. The radicality of the choice makes it impossible to reach consensus between alternative options, which act not as ready-made clear models, but as radically opposed propositions to each other. The choice of one of them determines the further strategies and trajectories of the subject, the characteristics that are attributed to him by other subjects as essential. Despite the radical nature of the opposition, the boundaries between them are not defined, and pass within the subject itself, since different sides of the manifestation of the subject in an ordinary situation can combine simultaneous manifestations of both of them, and in an ordinary situation they are not opposed.

Keywords

Moral Frontier; Memorial Frontier; Transgenerational Frontier; Cultural Exclusion Zones; Mental Maps; Mental Boundaries; Stigmatization; Place; Identity; Space

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Сложно оставаться ученым, когда человеческое перемалывается в фарш: ментальные границы и мемориальные фронтиры

Троицкий Сергей Александрович

Эстонский литературный музей. Тарту, Эстония. Email: sergei.troitskii@folklore.ee

Аннотация

Статья открывает специальный номер Журнала Фронтирных Исследований «Ментальные границы и мемориальные границы». В тексте поднимаются актуальные проблемы современной культурной и исторической ситуации, хотя автор уверен, что она не уникальна, поэтому дает ей универсальное название «историческая катастрофа». Субъект, вынужденный существовать в условиях исторической катастрофы, находится в радикализированной ситуации выбора. Радикальность выбора делает невозможным консенсус между альтернативными вариантами, которые выступают не как готовые ясные модели, а как радикально противопоставленные друг другу пропозиции. Выбор одной из них определяет дальнейшие стратегии и траектории субъекта, характеристики, которые ему приписываются другими субъектами в качестве сущностных. Несмотря на радикальность противопоставления, границы между ними не определены, и проходят внутри самого субъекта, поскольку различные стороны проявления субъекта в обычной ситуации могут совмещать в себе одновременные проявления обеих из них, и в обычной ситуации не противопоставляются.

Ключевые слова

нравственный фронтир; мемориальный фронтир; трансгенерациональный фронтир; зоны культурного отчуждения; ментальные карты; ментальные границы; стигматизация; место; идентичность; пространство

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Экономика морали в условиях исторической катастрофы

Сложно оставаться ученым, когда человеческое перемалывается в фарш. Это первые слова, с которых я должен начать не только вступительную статью, но и весь этот специальный выпуск Журнала фронтирных исследований, несмотря на сложившийся в российской науке этикет академического письма, распределяющий ответственность за текст и мысли между абстрактным множественным субъектом «Мы». В ситуации смертельной опасности и фатальной неопределенности, «Я» вынуждено остаться со своим «Я» наедине, принимая за него полную страшную ответственность. В этом случае каждый оказывается наедине с собой и вынужден выбирать, принимать ли ответственность сразу во всей полноте и тогда оставаться собой, отказываясь от фантомного присутствия множественного субъекта как одной из форм идентичности, либо «вписываться» в моральный кредит, получая отсрочку платежа по своей ответственности, и тогда фантомный множественный субъект позволяет забыть о собственных муках, но становится единственной формой воплощения субъекта.

Конечно, множественный субъект охраняет своим ошестившимся множеством лиц зону комфорта этих самых включенных в него лиц, но от их присутствия теперь никуда не деться. И отложенная ответственность оказывается не только собственной, но и множественной. Платить по моральным кредитам придется и за себя, «и за того парня», за все всех лиц, включенных в состав этого множественного субъекта. У всех, принимающих условия существования внутри множественного субъекта, и моральный счет общий, никакого паевого участия (паевое участие возможно только если все субъекты свободны и могут отвечать по своим долгам) вся ответственность только целиком! И она лежит на каждом! Неразборчивость в средствах экономии, незнание экономических законов, непонимание их тотальности приводит к самым большим социальным и гуманитарным антропогенным катастрофам, включая революции, войны и т.п. Стремление получить быстрый профит в одном приводит к дефициту в другом, а, как следствие, к долгу (отложенной расплате) перед будущим для покрытия дефицита. Множественный субъект защищен от распада, потому что включение в множество есть добровольный выбор, акт отказа от собственной индивидуальности и воли.

По мысли Чаадаева, отказ от собственной воли позволяет коллективному человеку соединиться с божеством, раствориться в нем. Это одно из самых частых «философских» оправданий множественного субъекта. Однако, по Чаадаеву, соединение с божеством должно сопровождаться не только отказом от собственной воли, но и приобщением к божественной мудрости, а самое главное, что этот отказ обязан быть не в пользу смертного, а в пользу божества. Именно эта, главная, ошибка и делает возможными тоталитарные режимы, где множественный субъект готов идти за вождем на самые бого-

мерзкие поступки, оправдывая себя и усыпляя совесть своей причастностью ко множеству. «Но горе тому, – предупреждал Чаадаев, – кто принял бы иллюзии своего тщеславия или заблуждения своего разума за необычайное озарение, освобождающее от общего закона» (Чаадаев, 1991, с. 322).

Расплата по моральному кредиту, который взят множественным субъектом в этом случае приходит не сразу, но она приходит к каждому, кто отказался от собственной воли в пользу множества. Расплата происходит с каждым индивидуально, оставляя субъекта в одиночестве, наедине с собой, вынуждая принимать ту реальность и те долги, которые так удобно было не замечать, прячась внутри множества. И тогда тот экзистенциальный выбор, который стоит перед субъектом в критических исторических условиях возвращается снова, но теперь выбора нет. Множественный субъект с самого начала обречен на провал, на отложенное фиаско, но именно фиаско. И в этом смысле принятие экзистенциальной ответственности сразу не является отказом от нее насовсем, более того, и выбора-то как такового у субъекта нет, он может выбрать только способ и время расплаты: сразу и только по своим счетам или с отсрочкой, с процентами и по полному счету за всего множественного субъекта.

Нравственный фронтир

Сложно оставаться ученым, когда человеческое перемалывается в фарш. Разделение субъекта, на которое указывает это предложение, является характерным для ситуации исторической катастрофы. Существующие органично в одном субъекте разные стороны, разные идентичности, разные «лица», разные сущности, вдруг оказываются оторваны друг от друга. Между ними оказывается фронтир как пространство подвижных рубежей.

Нравственный субъект и политический субъект сохраняют свое единство до тех пор, пока внешние обстоятельства позволяют нормам совпадать, либо существует внутренняя конвенция, согласно которой один подчинен другому. Однако в ситуации исторической катастрофы перед каждым стоит выбор сохранять доминирование нравственного начала как универсальной нормативной системы, исходящей из интересов человечества, или отказаться от универсального нравственного начала и подчиниться локальным нормам. Локальные (политические) нормы построены на доминировании интересов государства или социальной группы и оправдывают нарушение нравственных норм в соответствии с политическими условиями, сиюминутными целями. В этом случае соответствие ожиданиям доминирующей группы или доминирующего субъекта оправдывает даже нарушение нравственных норм. В критической ситуации каждый выбирает сам, готов ли он уничтожить весь мир ради одного человека (группы) или готов пожертвовать его интересами для сохранения человеческого в целом. Далеко не всегда этот выбор радикализирован

именно таким образом, но в условиях исторических катастроф граница между этими вариантами существует явно. При этом граница, поскольку она проходит между внутренними субъектами, выступает, скорее, не как четкая линия между дозволенным и недозволенным, как это бывает в обычное время, а проявляет себя как нравственный фронт, территория ни-того-ни-другого. В этом нравственном фронте любой шаг может оказаться точкой невозврата к состоянию нравственной личности, поскольку прагматика социальных отношений предполагает не только этическое измерение, а социальная онтология предполагает фиксацию субъекта и его намерений (Ferraris, 2011). Особенно это заметно, если социальная группа или государство, к которой принадлежит субъект становится источником исторической катастрофы.¹

В этих условиях отменяется множественность перспектив. Фронт между прошлым и будущим проходит здесь и сейчас. Субъект вынужден выбрать, что легитимирует его субъектность, память (индивидуальная или культурная), с помощью различных процедур ретроспекции конструирующая прошлое в виде золотого века, идеального состояния, и как следствие, конструирующая ретропию (Bauman, 2017), или перспективное воображение², конструирующее будущее как совершенно новое со свойственным ему хаотическим и революционным прожектерством.

Политика меньшинств (minority policy) как форма социального консенсуса, являющаяся основополагающей для всего европейского самосознания с XVII века, в период исторической катастрофы фактически замораживается, поскольку дисбаланс прав и свобод (меньшинству дается больше, чем большинству) угрожает социальному равновесию (Deets, 2006; Krasner, 2001). Однако в случае отмены льгот меньшинств сами меньшинства оказываются под угрозой, а большинство рискует оказаться в ситуации, когда основными регуляторами становятся метанарративы. Когда это происходит, переход из меньшинства в большинство фактически невозможен, поскольку границы между ними затвердевают, а субъекты, относящиеся к тому и другому получают стабильную идентичность (Троицкий, 2021).

Ментальные границы

Сложно оставаться ученым, когда человеческое перемалывается в фарш. Экзистенциальный кризис как реакция на внешние факторы делает невозможным гармоничное сосуществование внутренних «лиц». Потеря мира вовне приводит к конфликту внутри. Линия фронта как горячая граница начинает проходить не только на плоскости земли, но и внутри, полностью меняя конфигурацию субъекта. Реальная линия фронта оказывается единственной

1 Эта проблема стала одной из центральных в немецкой художественной литературе (Э.М. Ремарк, Т. Манн, Г. Грасс и др).

2 «Проспекция» включает в себя понятие действия, которое должно совершиться в ближайшем будущем, и отражение представления о неизбежности наступающей ситуации» (Федорова, 2010, с. 82; Рянская 2002)

реальной границей, доминирующей линией раздела территории, поэтому все остальные границы оказываются для субъекта, вовлеченного в конфликт самим фактом рождения, проживания, принадлежности языку и культуре, становятся незначимыми. Включенность в глобальную среду делает человека транснациональным гораздо больше, чем он ощущал это до исторической катастрофы. Перекраивание границ территории меняет и ощущение пространства в целом. Историческая катастрофа отменяет все прочие характеристики субъекта, определяющие его принадлежность к пространству, вписывающие его в географические границы. И даже если повседневная жизнь человека непосредственно не связана с происходящим где-то относительно далеко, все равно приводит его к внутреннему разрыву. Границы, прежде устойчивые, совпадающие в целом с ментальными границами, превращаются в иллюзорные, неопределенные, не способные быть опорой для идентификации. Пространство, прежде имевшее свои чувственные воплощения на ментальной карте, благодаря собственному опыту субъекта, опыту освоения этого пространства, теряет свою фундаментальность из-за отмены всего прошлого опыта, на смену ему приходит новый опыт. Благодаря ему на ментальной карте субъекта появляются новые, прежде неизвестные ему, топосы. Значимость событий, произошедших в этих местах, превосходит все, что можно было принять, а чудовищность событий (военных преступлений), совершенных там, делает эти места незаживающей раной субъекта, культурной травмой, реализуемой часто как индивидуальная, не только в качестве ПТСР у непосредственных носителей травматического опыта (Krippner & Pitchford & Davies, 2012; Brillon, 2013), но и в качестве эмпатически обусловленных расстройств (Карягина & Придарчук, 2017). Новые, травматические, места на ментальной карте актуализируют механизмы памяти, усиливают постпамять о непереживаемом травматическом опыте. Травматический опыт обращает субъекта в прошлое и в будущее, заставляя находить основания для утверждения ментальной карты как незыблемой точки опоры. Прежде незначимые и случайные события находят свое место в ментальном переживании истории места, как безусловные, как отражение уже сложившихся в прошлом тенденций, как подтверждение сущностных характеристик. Эти перспективы являются направлениями конструирования места для субъекта, задают многомерность этого конструкта. Вместе с тем, такое соединение ментальных карт с ментальной историей задает жизненные стратегии и траектории, изучающиеся время-географией (Hägerstrand, 1986). Культурная память в условиях исторической катастрофы приходит в конфликт с ментальной историей и механизмами ментального картирования. Политические и социальные инструменты культурного отчуждения как инструменты конструирования культурной памяти создают основания для культурной географии, но могут не работать в ситуации построения индивидуальных представлений о пространстве. В этой ситуации стираются дисциплинарные границы между естественными и обще-

ственными науками, а ученые вынуждены учитывать самые разные факторы, как природные, так и культурные. Ученый в этом случае для построения наиболее корректного описания, как это ни парадоксально, вынужден обращаться не только к исследуемому материалу, но и к собственной памяти, не только к объективным данным, но и к субъективному опыту.

Архитектура номера

Сложно оставаться ученым, когда человеческое перемалывается в фарш, несмотря на это авторы, представившие статьи для специального номера Журнала Фронтирных исследований, демонстрируют свой высокий академический уровень и трезвый взгляд на предмет и объект исследования. Сами статьи по отдельности и весь номер целиком решают главную задачу – показать зависимость ментальных представлений о пространстве и границах на плоскости земли, с одной стороны, и практик расчерчивания этих границ, жизненных стратегий как формы существования «на Земле», с другой. Исходя из этой задачи, все статьи номера, входящие в основной блок текстов, разделены на две рубрики, названные условно «Мемориальный фронт» и «Ментальные границы и культурное отчуждение».

Первая рубрика включает в себя исследования аспектов культурной памяти, задающих социальные и культурные границы, символические пределы, мемориальные фронты (Аникин, 2020).

В центре внимания исследования Юлии Зевако лежат трансгенерационные границы между непосредственными участниками государственного террора, как частный разбираемый случай, непосредственными исполнителями и их потомками. Зона умолчания вокруг опыта палача, реализованного в период исторической катастрофы, зоны культурного отчуждения, в которую была вытеснена сама катастрофа сделали совершенно дискурсивно закрытым образ палача, что мешает обществу потомков каким-либо образом принять случившееся в целом как факт, пусть страшный, но факт истории, делая тем самым повторение этого непризнанного опыта, непризнанной ответственности, вполне возможным. Риторика сопротивления прошлому как способ непринятия распространена в обществе, не готовом платить по историческим нравственным кредитам. Отсутствие дискурсивных практик принятия делает невозможной нарратив семейной истории и другие микронарративы, а значит, мешает обществу в целом двигаться дальше. *Skeletons in the cupboard* (Скелеты в шкафу) определяют как отношение к обществу как извне, так и внутри него, мертвые управляют живыми, конструируя прошлое, настоящее и будущее, а также моделируя соответствующие жизненные стратегии и траектории (время и пространство) (Hägerstrand, 1986). Зоны культурного отчуждения являются основой для взаимного недоверия членов общества друг к другу, фиксирует ситуативные функции (палач, жертва) в качестве сущностных харак-

теристик, единственной возможной идентичности, что позволяет переносить ее на потомков, делая их объектом постоянного подозрения. Таким образом, оказывается, что зона культурного отчуждения, зона умолчания формирует мемориальный фронтир, в котором сходится множество возможностей для реализации, но каждая из них не может быть полностью реализована.

Другой поворот этой же проблеме задает в своей статье Елена Поправко. Исследование построено на архивных документах, впервые вводимых в научный оборот. Автор подробно разбирает, как политика в период исторической катастрофы определяла изменение семейной истории, как работали механизмы формирования стабильной идентичности и фиксации образа настоящего коммуниста в Советском Союзе 1930-х гг. Такая фиксация (стигматизация) обеспечивала членам советского общества карьерный рост, но исключала возможность проявления каких-либо качеств, кроме тех, что соответствовали функциональным характеристикам. Именно функциональные характеристики оказывались единственным способом идентификации субъекта.

Вторая рубрика основной части номера получила свое название, благодаря удачно сформулированному подзаголовку статьи Лидии Жирновой. Автор исследует различные стратегии ментального картирования в экспозиционной работе латвийских региональных краеведческих музеев. Помещение советского прошлого как национального опыта в зону культурного отчуждения не позволяет обществу признать это прошлое и сделать его фактом истории. Советское прошлое, как уже упоминавшийся скелет в шкафу, все время напоминает о себе, формируя различные фиксированные (стигматизированные) нарративы, свидетельствующие о непризнании. Стигматизированный образ Советского Союза, распространяемый на современную Россию, оказывается важным для установления мемориальных фронтиров и построения ментальных карт. Автор выделяет, по меньшей мере, три стратегии работы с советским прошлым в исторических музеях: отсутствие нарратива, маргинализация советской тематики и попытка выстроить преимущественно обвинительный нарратив.

Группа авторов из Астрахани и Москвы обращаются к проблеме формирования географического концепта Каспийского моря в различных медиа от классических литературных источников до современных массмедиа. Авторы интересуются, как ментальные карты, личный опыт освоения пространства находят отражение в «большой» географии. Исследования пространства оборачиваются исследованием образа пространства, механизмов формирования Мест в терминологии Оже (2017) через «собирающие» личные представления, частных характеристик топоса. Широкий обзор источников, данный в статье, позволяет проследить трансформацию этих характеристик, а также увидеть, как топос (Место) постепенно распространяет собственные характеристики на всю прилежащую территорию, меняя ее образ и, как следствие, различные повседневные практики, связанные с ней.

Статья Елизаветы Закураевой посвящена механизмам культурного отчуждения в крупных городах Италии. Причем, фокус исследования носит ретроспективный характер. Автор рассматривает историю городов Аппенинского полуострова как историю формирования различных зон (культурного) отчуждения, делая вывод, что «история городской культуры фиксирует присутствие отчуждения, характерного для обитания индивида в городском пространстве с самого момента появления города и соответствующей субъектоцентричной городской культуры, существование в которой разворачивается в пространстве подчинения, преодоления границ или сопротивления рождаемому ей социальному порядку». Процесс (само)идентификации горожанина напрямую зависит, по мнению исследовательницы, с формируемыми зонами отчуждения, но и наоборот, эти зоны отчуждения являются следствием идентичности и самоидентификации различных социальных групп и отдельных людей.

Последняя статья рубрики продолжает проблематику городских исследований, но предлагает взглянуть на ментальное картирование как на способ фиксации индивидуальных культурных стереотипов и установок. В результате сложившихся образов и идентичностей Места, оно входит в ментальную карту со своим набором характеристик, но вместе с тем фиксируется в ней как источник притяжения или отторжения при выборе направления миграции. Этот феномен авторы назвали топографической иерархией (системой топографических предпочтений). В статье также рассматриваются различные факторы, определяющие топографическую иерархию. Статья написана в жанре препроекта, что позволяет высказывать рабочие гипотезы для дальнейшего обсуждения и проверки.

К основному блоку примыкают также две рецензии на недавние академические издания.

Список литературы

- Bauman, Z. (2017). *Retrotopia*. Wiley.
- Brillon, P. (2013). *Comment aider les victimes souffrant de stress post-traumatique: Guide à l'intention des thérapeutes* [How to help victims of post-traumatic stress: A guide for therapists]. Les Éditions Québec-livres. (In French).
- Deets, S. (2006). Pulling Back from Neo-Medievalism: Thee Domestic and International Politics of the Hungarian Status Law. *Slavic Eurasian Studies*, 9, 17–36.
- Ferraris, M. (2011). Social Ontology and Documentality. In G. Sartor, P. Casanovas, M. Biasiotti, & M. Fernández-Barrera (Eds.), *Approaches to Legal Ontologies: Theories, Domains, Methodologies* (pp. 83–97). Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-94-007-0120-5_5
- Hägerstrand, T. (1986). Den geografiska traditionens kärnområde [The core area of the geographical tradition]. *Svensk Geografisk Årsbok*, 62, 38–43. (In Swedish).

- Krasner, S. D. (2001). Abiding Sovereignty. *International Political Science Review*, 22(3), 229–251. <https://doi.org/10.1177/0192512101223002>
- Krippner, S., Pitchford, D. B., & Davies, J. A. (2012). *Post-Traumatic Stress Disorder (Biographies of Disease)*. Greenwood.
- Аникин, Д. А. (2020). Проблематика фронта в исследованиях культурной памяти. *Журнал Фронтирных Исследований*, 5(2), 12–25. <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i2.201>
- Карягина, Т. Д., & Придачук, М. А. (2017). Эмпатически обусловленный дистресс и возможности его диагностики. *Консультативная психология и психотерапия*, 25(2), 8–38. <https://doi.org/10.17759/cpp.2017250202>
- Оже, М. (2017). Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. Новое литературное обозрение.
- Рянская, Э. М. (2002). Проспекция как часть аспектуальности. *Филологические науки*, 4, 86–92.
- Троицкий, С. А. (2021). В поисках тотального порядка: Затвердевание границ и стабильная идентичность. *Журнал Фронтирных Исследований*, 6(1), 196–225. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.279>
- Федорова, Р. В. (2010). Структура аспектуальной категории перспективности. *Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета*, 3, 82–86.
- Чаадаев, А. Я. (1991). Философские письма (1829–1830). В *Полное собрание сочинений и избранные письма* (Т. 1, сс. 320–440). Наука.

References

- Anikin, D. A. (2020). Frontier Issues in Cultural Memory Research. *Journal of Frontier Studies*, 5(2), 12–25. <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i2.201> (In Russian).
- Auger, M. (2017). *Non-Places. Introduction to the Anthropology of Hypermodernity*. New Literary Review. (In Russian).
- Bauman, Z. (2017). *Retrotopia*. Wiley.
- Brillon, P. (2013). *Comment aider les victimes souffrant de stress post-traumatique: Guide à l'intention des thérapeutes* [How to help victims of post-traumatic stress: A guide for therapists]. Les Éditions Québec-livres. (In French).
- Chaadaev, A. Y. (1991). Philosophical Letters (1829–1830). In *The Complete Works and Selected Letters* (Vol. 1, pp. 320–440). Nauka. (In Russian).
- Deets, S. (2006). Pulling Back from Neo-Medievalism: The Domestic and International Politics of the Hungarian Status Law. *Slavic Eurasian Studies*, 9, 17–36.
- Fedorova, R. V. (2010). The Structure of the Aspectual Category of Prospectivity. *Bulletin of Nizhnevartovsk State Humanitarian University*, 3, 82–86. (In Russian).
- Ferraris, M. (2011). Social Ontology and Documentality. In G. Sartor, P. Casanovas, M. Biasiotti, & M. Fernández-Barrera (Eds.), *Approaches to Legal Ontologies: Theories, Domains, Methodologies* (pp. 83–97). Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-94-007-0120-5_5
- Hägerstrand, T. (1986). Den geografiska traditionens kärnområde [The core area of the geographical tradition]. *Svensk Geografisk Årsbok*, 62, 38–43. (In Swedish).

- Karyagina, T. D., & Pridachuk, M. A. (2017). Empathically Caused Distress and the Possibilities of its Diagnostics. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 25(2), 8–38.
<https://doi.org/10.17759/cpp.2017250202> (In Russian).
- Krasner, S. D. (2001). Abiding Sovereignty. *International Political Science Review*, 22(3), 229–251.
<https://doi.org/10.1177/0192512101223002>
- Krippner, S., Pitchford, D. B., & Davies, J. A. (2012). *Post-Traumatic Stress Disorder (Biographies of Disease)*. Greenwood.
- Ryanskaya, E. M. (2002). Prospectivity as part of aspectuality. *Philological Studies*, 4, 86–92. (In Russian).
- Troitskiy, S. A. (2021). In Search of Total Order: Solidifying Borders and a Stable Identity. *Journal of Frontier Studies*, 6(1), 196–225. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.279> (In Russian).